

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Май — Июнь 2013

Главный редактор
И. О. ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

К. М. Азадовский, А. Д. Алехин,
С. Г. Бочаров, Ю. В. Манн, В. Л. Махлин,
Е. А. Погорелая (ответственный секретарь), **Б. М. Сарнов,**
Е. Ю. Сидоров, А. М. Турков, К. Эмерсон

РЕДАКЦИЯ:

Н. Н. Юргенева (отдел русской классической литературы),
Т. В. Еремеева (редактор),
Е. М. Луценко (отдел библиографии),
М. О. Переяслова (редактор),
С. А. Чередниченко (заведующий редакцией)

Учредители:
РОФ «Литературная критика»,
Редакция журнала критики и литературоведения
«Вопросы литературы»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47288 от 17 ноября 2011 г.

Выражаем благодарность за финансовую поддержку,
которую оказывают журналу Министерство культуры РФ и
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.

СОДЕРЖАНИЕ

История идей

- 9 **В. КАНТОР.** Петр Столыпин в контексте русской культуры. *Феномен длящейся истории*

Из истории эмиграции

- 42 **Е. ПОНОМАРЕВ.** «Берлинский очерк» 1920-х годов как вариант петербургского текста
- 68 **А. ХИСАМУТДИНОВ.** Русский литературный Шанхай
- 87 **С. КЛИМОВА.** Эмигрантский «анахронизм» и советская «мощь»: *Бунин и английский диалог о русской эмиграции и советской России*
- 101 **А. ЗЛОЧЕВСКАЯ.** Мотив крушения ценностей в пьесах о революции. *Опыт типологического сопоставления*

В. В. Набоков

- 115 **И. ВИНОКУРОВА.** Набоков и Берберова
- 172 **Д. МУРАВСКИЙ.** Иррациональность жизни по шахматным законам (*на примере романа В. Набокова «Защита Лужина»*)

Русские в Италии

- 184 **А. д'АМЕЛИЯ, Д. РИЦЦИ.** «Не широкая река, а множество ручейков...» *Беседу вела А. Ямпольская*
- 195 По материалам энциклопедии

Портретная галерея

- 218 **Л. ПОЛИКОВСКАЯ.** «От национального к общечеловеческому». *Эпизоды из жизни Михаила Осоргина*

Литературное сегодня

- 238 Букер-2012: Литературный момент или литературный процесс?

Лица современной литературы

- 267 **Е. ИВАНОВА.** Тайна исповеди. *Майя Кучерская*
284 **А. РОГОВА.** Человек системы. *Александр Терехов*
301 **Г. АРОСЕВ.** Символ великого доверия. *Марина Степнова*

Синтез искусств

- 318 **Я. ШУЛОВА.** Сценический вариант романа Андрея Белого «Петербург»

Век минувший

- 346 **Ю. БАРАБАШ.** «Шевченковский текст» Ивана Дзюбы

Над строками одного произведения

- 369 **О. КУДРИН.** Время, вперед, к Апокалипсису! *Главы из книги «Белогвардеец Валентин Катаев»*

Публикации. Воспоминания. Сообщения

- 418 Из архива Василия Аксенова. *Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе*
440 **Е. ГОФМАН.** Разомкнуть круг нетерпимости
453 **Е. СКАРЛЫГИНА.** Без гнева и пристрастия

Полемика

- 461 **В. ЕСИПОВ.** О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским

Книжный разворот

- 464 С. А. Матяш. Вольный ямб русской поэзии XVIII—XIX вв.: жанр, стиль, стих (Т. САВЧЕНКО); В. Кантор. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (И. ЕВЛАМПИЕВ); Франц Кафка в русской культуре (Л. ЕГОРОВА); *Laurea Logae*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой (А. ЯМПОЛЬСКАЯ); Е. Ю. Скарлыгина. Русская литература XX века: на родине и в эмиграции (Вл. НОВИКОВ); Артем Скворцов.

Самосуд неожиданной зрелости. Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции (Е. ПЕСТЕРЕВА).

В шутку и всерьез

- 484** Коллективный роман-пародия «Томление тела». *Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания В. Хазана*
-

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Учебник для школы или для вуза — самый нужный и едва ли не самый безнадежный жанр. Мечты об учебниках нового поколения, о которых так много говорят, все не сбываются. Журнал «Вопросы литературы», поддержанный грантом Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, начинает свой проект в сфере издания университетской книги. На основе публикаций последних лет и вслед нашим обычным рубрикам мы составляем книги, которые заполнят существующие лакуны по всем основным литературным курсам учебного процесса. В них самые известные ученые обсуждают современные подходы, произведения классической и новейшей литературы, насущные проблемы.

В 2011 году вышли первые три тома новой серии:

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ»,
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ»,
«ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ.
ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА».

Оформить подписку на новую серию можно одновременно с подпиской на журнал в агентствах печати и в редакции нашего журнала.

История идей

Владимир КАНТОР

**ПЕТР СТОЛЫПИН
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Феномен длящейся истории

У Михаила Бахтина было точное наблюдение — о «большом» и «малом» времени. Большое время достается великим произведениям, мыслителям, деятелям и писателям, которые преодолевают собственное, связывая своим творчеством эпохи. Люди малого времени редко понимают людей большого времени. Поэтому не случайно подлинная оценка гениев литературы, философии, политики происходит очень часто после их смерти.

Масштаб Петра Аркадьевича Столыпина, на мой взгляд, несмотря на все посмертные и сегодняшние словословия, не оценен в полной мере. Разумеется, он стоит в ряду величайших государственных деятелей России — Петра Великого, Екатерины Великой и Александра Освободителя. Но в отличие от этих государей он, понимая не меньше их, будучи подлинным интеллектуалом, не обладал необходимой полнотой власти для проведения в жизнь своего понимания. Перед ним стояли две трагические проблемы, рожденные русской историей и не раз-

решенные до него (пожалуй, после тоже не решенные). А проблемы ключевые — для развития и становления любой культуры, любого этнического образования, особенно — соединившегося в большое государственное сообщество:

произвол власти и стихия бунта, уничтожающие любые попытки правового устроения страны;

общинность и отсутствие частной собственности как основы права и личности.

Строго говоря, он противопоставил идею свободы (которая ограничена свободой *другого* человека) идее воли, не знающей, не видящей *Другого*. Существенно, что едва ли не единственный из всех государственных деятелей его времени он смог их осмыслить и предложить некое решение.

Столыпин происходил из очень родовитой семьи, среди его родни был Михаил Лермонтов. Укоренившееся в их роду понятие чести и абсолютное мужество, которое проявил великий поэт в боях на Кавказе, вполне были свойственны и Петру Столыпину. К этому необходимо добавить, что он прошел полный курс классической гимназии, которая была задумана в эпоху реформ либералом-консерваторм М. Катковым для создания русских европейцев, ибо, как полагал ее основатель, только мощная античная база позволит понимать современность.

Столыпин свободно говорил на трех европейских языках; он закончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, получив диплом с отличием. Известно, что от его ответов был в восторге Д. Менделеев. Во власть пришел в очередной раз свободный и высокообразованный интеллигент. До него были и М. Сперанский, и соратники Александра II, создававшие Великие реформы, был граф М. Т. Лорис-Меликов, граф С. Ю. Витте. Но Столыпин пришел в эпоху создания в России конституционной монархии, словно рожденный для думских баталий, где он уверенно и спокойно мог переспорить самых больших спорщиков из так называемой русской парламентской интеллигенции. К тому же только ему было отпущено значительное время для *самостоятельного* проведения реформ.

Начну с первой проблемы — **проблемы русского бунта, или, как назвал ее Достоевский, проблемы бесовщины**. У меня есть копия крестильной записи Петра Столыпина в Дрезденском православном храме: в Дрездене он родился в 1862 году и там же был крещен, — а надо понимать, что все явления в жизни людей, находящихся в большом времени истории, символичны. В Дрездене, как мы помним, было первое «бесовское» выступление Бакунина — восстание 1849 года, когда он предложил закрыть «Мадонной» Рафаэля баррикады. И в Дрездене будут написаны «Бесы». То есть первая борьба с бесами была там — в Дрездене. Столыпин, трагический герой русской истории, был рожден в месте ключевого столкновения разных сил русской истории (да и европейской тоже) и гениального осмысления этого нового в мировой культуре явления — «бесовщины» — Достоевским.

Именно в том городе, где впервые была опробована террористическая бесовская тактика, великий русский писатель слышит о русском последователе Бакунина, который довел до логического завершения его идеи. По воспоминаниям жены писателя, в 1869 году в Дрезден приехал ее брат, учившийся в Петровской земледельческой академии в Москве, и рассказал об убийстве в Петровском парке студента. «Тут-то и возникла у Федора Михайловича мысль, — пишет она, — в одной из своих повестей изобразить тогдашнее политическое движение и одним из главных героев взять студента Иванова (под фамилией Шатова), впоследствии убитого Нечаевым»¹.

Достоевский, однако, не только слушал рассказ своего шурина, но подробно читал русские газеты, и в газете «Московские ведомости» за 1870 год он мог прочитать статью Михаила Каткова, редактора журнала «Русский вестник», с которым сотрудничал. А Катков писал, по сути дела, *об идеологе* преступления — о Михаиле Бакуanine:

¹ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М.: Художественная литература, 1971. С. 191.

Скипетр русской революционной партии перешел в руки к другой знаменитости, к тому Бакунину, который в 1849 году бунтовал на дрезденских улицах, попал за то в австрийские казематы, был потом выдан нашему правительству, сидел в крепости, писал оттуда умилительные и полные раскаяния письма, был помилован и выслан на жительство в Сибирь, где ему была дарована полная свобода, служил там по откупам, женился там на молоденькой польке из ссыльного семейства, сошелся со многими из соплеменников своей жены и, когда разыгралось польское дело, бежал из Сибири; в 1863 году вместе с несколькими сорванцами польской эмиграции предпринимал морскую экспедицию против России, но предпочел высадиться на шведском берегу. Вот он, этот вождь русской революционной партии, организатор заговора, покрывшего теперь своей сетью всю Россию <...> Фигура интересная. Тень ее ложится на всю колоссальную Россию!²

Вождь наступавшей на Россию демонической, или (как писал Достоевский) **бесовской**, смуты опробовал себя первый раз именно в Дрездене. То есть на той земле, где родился Столыпин.

Мы должны отчетливо сознавать историческую преемственность бесовщины и русского бунта. Мыслитель, которого, как и Столыпина, сравнивали с Бисмарком (сравнивал В. Розанов³), писал:

² Катков М. Н. Кто наши революционеры? // Катков М. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 364.

³ «Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием <...> С самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще природы, у которой каждый час бы *дышал*, каждая минута *жила* и каждый шаг обвеян “заботой об отечестве” <...> Это — Дизраэли, которого так и не допустили бы пойти дальше “романиста”, или Бисмарк, которого за дуэли со студентами обрекли бы на всю жизнь “драться на рапирах” и “запретили куда-нибудь принимать на службу”. Черт знает что: рок, судьба, и не столько *его*, сколько *России*» (Розанов В. В. Уединенное. М.: Правда, 1990. С. 207—208).

До половины XVII века вся Европейская Россия была театром таких событий, при которых можно дивиться разве тому, что уцелели в ней хоть те малочисленные жители, которых имела она при Петре. Татарские набеги, нашествие поляков, многочисленные *шайки разбойников, походившие своей громадностью на целые армии*, — все это постоянно дотла разоряло русские области. Они опустошались также страшною неурядицею управления <...> Если теперь производятся вещи, тысячной доли которых не мог описать Щедрин, то *рассказы наших отцов и дедов свидетельствуют, что в их времена господствовал произвол, невероятный даже для нас* (курсив мой. — В. К.)⁴.

Это была проблема русской истории. Разница лишь в том, что на рубеже XIX и XX веков этот хаос бунта возглавили люди, учившиеся (хотя и недоучившиеся!) в университете («Пугачевы из университета», как с опасением писал о грядущем России Жозеф де Местр⁵). Приблизительное образование рождало у этих людей удивительный цинизм, рождало полное отсутствие благородства.

В июле 1862 года, когда в Петербурге бушевали пожары, инспирированные радикалами, русский литератор и либерал Александр Никитенко посетил Дрезденскую га-

⁴ *Чернышевский Н. Г.* Суеверие и правила логики // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 15 тт. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1950. С. 690.

⁵ Стоит, очевидно, полнее привести высказывание де Местра, кочующее из работы в работу, — к сожалению, не всегда опирающиеся на существующий текст: «По мере освобождения люди (речь о крестьянах. — В. К.) окажутся между более чем подозрительными учителями и духовенством, лишенным силы и уважения. Вследствие внезапности подобного превращения они, несомненно, перейдут от суеверия к атеизму и от нерассуждающего повинования к необузданной самостоятельности <...> И ежели при таком расположении умов явится какой-нибудь университетский Пугачев <...> тогда государство в соответствии со всеми законами, вероятно, буквально *переломится*, подобно слишком длинному бревну, которое опирается лишь на свои концы» (*Местр Жозеф де.* Петербургские письма 1803—1817. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 192—193).

лерею и провел несколько часов перед Мадонной Рафаэля. Потом он гулял по Дрездену с Николаем Страховым, сотрудником журнала, издававшегося Достоевским в это время. Зашли они к немецкому журналисту и драматургу Вольфсону, который вспомнил Бакунина. Его рассказ записал Никитенко:

Спасаясь от преследователей, Бакунин явился к Вольфсону и просил у него убежища на ночь. Вольфсон скрыл его у себя. В следующее утро на прощанье Бакунин сказал ему: «Ты оказал мне услугу, потому предупреждаю тебя: если наша возьмет верх — не попадайся мне: повешу или расстреляю». Во время резни в Дрездене в том же году Бакунин, по словам того же Вольфсона, направлял пушки на картинную галерею⁶.

Не исключено, что Страхов рассказал эту историю Достоевскому. Тема Дрездена, Мадонны и Бакунина, как видим, могла возникнуть в сознании Достоевского еще до дела Нечаева.

Заметим, что в этой бакунинской угрозе своему спасителю уже видны зачатки большевистской «этики»: так Ленин изгнал своего учителя Плеханова из России, не говоря о расстрелах вчерашних друзей — меньшевиков и эсеров. Об этой близости писал замечательный русский мыслитель, живший в Дрездене. Я говорю о Федоре Степуне, философе и писателе, тоже изгнанном большевистскими бесами из России в 1922 году и нашедшем приют в Германии, ставшем профессором Дрезденской Высшей технической школы, откуда он был уволен нацистами в 1937-м. Он писал: «Надо ли доказывать, что следов бакунинской страсти к разрушению и фашистских теорий Ткачева и Нечаева можно искать только в программе и тактике большевизма»⁷. По указанию Ленина имя Баку-

⁶ Никитенко А. В. Дневник: В 3 тт. Т. 2. Л.: Гослитиздат, 1955. С. 286.

⁷ Степун Ф. А. Сочинения / Вступ. ст., сост., коммент. и библиогр. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 635.

нина было выгравировано на стеле в Александровском саду, посвященной великим революционерам.

В современной публицистике часто пишут, что при Александре III Миротворце революционные волнения утихли. Но так можно писать, только живя в «малом времени». История не оперирует десятилетиями как периодами. Для нее двадцать лет — это не срок, история живет эпохами, столетиями. И по ее меркам убийство царя-освободителя было к моменту явления Столыпина совсем недавно. Это, по сути дела, был контекст его деятельности. Об этом недавнем периоде лучше всего сказать словами Б. Чичерина, на идеи которого Столыпин опирался. Чичерин писал о русских радикалах того времени:

...Эта сплоченная шайка поставила себе задачей терроризировать русское правительство и преследовала свою цель с удивительной последовательностью и умением. Начался целый ряд убийств; среди бела дня на улицах столицы шеф жандармов пал жертвою злодеев. Сам царь преследовался как дикий зверь. В него неоднократно стреляли; делались подкопы под железные дороги на его пути, произошел взрыв в Зимнем Дворце <...> Казалось, вся энергия, к которой способен русский человек, сосредоточилась в этом скопище для дела чистого безумия. Подобно тому, как сумасшедший проявляет иногда изумительную хитрость в достижении своих бессмысленных целей, русские нигилисты как будто направили весь свой ум и всю свою волю на то, чтобы сбить Россию с правильного пути и водворить в ней полный хаос <...> Государь, даровавший свободу многим миллионам своих подданных, впервые внесший в Россию неведомые ей дотоле начала права и закона, совершивший в короткое время величайшие преобразования, о каких повествует всемирная история, пал, злодейски растерзанный убийцами, вышедшими из недр благодетельствованного им народа⁸.

⁸ Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 553.

Столыпин не со стороны пришел во власть. Его привел князь Алексей Дмитриевич Оболенский — создатель первой русской конституции. Я беседовал летом 2011 года с внучкой князя Оболенского Александрой Николаевной фон Герсдорфф. Она рассказывала: «Бабушка вспоминала, как сидел дед и граф Витте: “На улице стреляли. 1905 год. Я им все время меняла свечи — они всю ночь писали конституцию”».

Речь идет о Манифесте 1905 года. И именно Оболенский рекомендовал Столыпина как человека, который сумеет противостоять «бесовщине». Столыпин принял эту ношу. Сначала как губернатор, потом как министр внутренних дел, потом как премьер-министр. Он прекрасно понимал тот контекст, в котором развернулся бессмысленный и беспощадный бунт 1905 года (традиционно почему-то именуемый революцией). 3 ноября 1905 года Столыпин писал жене:

Дела идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими... Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина! <...> Чувствую, что на мне все держится и что если меня тронут, возобновится удвоенный погром <...> Убытки — десятки миллионов <...> Шайки вполне организованны⁹.

Так называемые жестокости Столыпина при подавлении этого бунта несколько не превышали не только жестокостей восставших (тем более — если говорить о дальнейшем — большевиков), но и действий его предшественников в подавлении пугачевского бунта — Суворова, Державина, Михельсона и т. д. И они вешали восставших мужиков, грабивших и убивавших дворян (напомню хотя бы записку Пушкина в материалах о пугачевском бунте, как Державин повесил двух крестьян: «Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю де-

⁹ Цит. по: *Сидорович Г. П.* П. А. Столыпин: Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). М.: Поколение, 2007. С. 135.

ревню пересек. Сборище разбежалось <...> Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического любопытства»¹⁰). Никто не посмел тогда сказать о «державинских» или «суворовских» галстуках. Сам Столыпин не раз говорил о соотношении казненных и реально заслуживавших казни как о слишком гуманном соотношении. Тем не менее русская думская образованщина, поддавшаяся на провокацию радикалов, пустила термин «стольпинский галстук». Ф. Родичев, член партии кадетов, депутат II Государственной думы, на заседании Госдумы 17 ноября 1907 года бросил в публику эту формулу. Столыпин был не только решительный государственный деятель, но и человек лично мужественный: он вызвал клеветника на дуэль. Тот вынужден был отказаться от своих слов. А Столыпин спокойно произнес «в ответ на требование Думы прекратить военно-полевые суды <...> “Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача”»¹¹. Не говоря уж о левых партиях, в сущности сторонников русской бесовщины, даже кадеты выступили против стольпинской жесткости, полагая, что он мешает созданию правового государства.

Не буду еще раз писать о екатерининских генералах, ломавших хребет пугачевскому бунту, напомним о виджилянтах, поборовших дикий бандитизм в Северо-Американских Соединенных штатах, напоминавший русский террор. Виджилянты отказались от длительного судопроизводства. Казня захваченных на месте преступления бандитов по приговору виднейших граждан данного городка или местечка, они в течение нескольких лет подавили разгул бандитизма на американском Западе.

Скажем, такой умный человек, как В. Маклаков, протестуя против отказа Столыпина от долгого судопроизводства при расправе с террористами, утверждал, что так

¹⁰ Пушкин А. С. Дмитриев. Предания // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 7. М.: Художественная литература, 1962. С. 183.

¹¹ Търкова-Вильямс А. На путях к свободе. L.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. С. 346.

революцию не победишь. Но, говоря о терроре 1906-го уже годы спустя, Маклаков, в сущности противореча своему несогласию со Столыпиным, писал:

В августе — взрыв столыпинской дачи. В октябре грандиозная по смелости и удаче экспроприация в Фонарном переулке, доставившая в революционные кассы несколько сот тысяч рублей и т. д. Индивидуальные же террористические акты были просто бесчисленны: были убиты Мин, Лауниц, Максимовский, Игнатъев, Павлов и др.; по официальным сведениям, опубликованным в «Красном Архиве»¹², — в 1906 г. было убито 1.588, в 1907 г. — 2.453 человека. Можно было думать, что начинался революционный штурм; что, как бывает в решительный момент войны, в него бросался последний резерв. Но уже через несколько месяцев от него осталось только «последняя туча рассеянной бури». Сами левые партии не могли отрицать: на данный момент «Революция кончилась». Нужна была Великая Война, чтобы снова ее подготовить¹³.

Сам-то Столыпин прекрасно понимал свою задачу, более того, его деятельность была как бы уроком и заветом интеллектуалам, которые могли попасть во власть. В конце апреля 1906 года он объяснял западным корреспондентам причину появления военно-полевых судов:

Правительство — не цель, а средство. В чем состоит цель? Цель — порядок. Правительству, отказывающемуся защищать порядок, остается только уйти. Нормальный суд не имел в виду революционных периодов. Он установлен для карания обычных правонарушений, преступлений общего права. Для исключительных положений необходимы исключительные средства. При нынешнем строе вещей учреждение полевых судов не только объяснимо — оно необходимо. В любом государстве всякое правительство, которое не поставило

¹² То есть уже при советской власти.

¹³ *Маклаков В. А.* Вторая государственная дума. Л.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1991. С. 18.

себе целью общественный распад, поступило бы так же, как поступили мы <...> Полевые суды считаются только с лицами, захваченными на месте преступления. Они судят лишь преступников, пойманных с оружием в руках¹⁴.

Поразительно, что деятели Временного правительства, поступавшие предельно беспомощно, вопреки заветам Столыпина, не посмели арестовать и казнить большевиков, испугались движения на Петроград Корнилова, передав, в сущности, власть в руки большевиков, которые в средствах не стеснялись. И их террор превзошел все мыслимые человечеством формы насилия. А дело в том, что Временное правительство боялось народа, боялось «человека с ружьем». Столыпин не боялся, пытаясь защитить «личность против поглощения ее волей народа»¹⁵.

Легендарная формула Столыпина «Не запугаете!» говорила о безусловной мужественности, готовности отдать за идею жизнь (не в меньшей степени, чем у революционеров, которые хвалились своей жертвенностью) — именно жизнь он и отдал за свою идею и деятельность. «Крупность Столыпина раздражала оппозицию», — писала Тыркова-Вильямс¹⁶. Но не только оппозицию, но и власть, и прямых врагов, и людей, живших вне реальности, вроде Льва Толстого, прятавшегося за благодушной идеей ненасилия. От взрыва на Аптекарском острове до пули убийцы в Киеве — премьер шел по краю гибели, каждую секунду, как и требовал Фауст, рискуя жизнью, ведя борьбу за свободу с нахлынувшим на Россию наводнением бунта, угаданным Пушкиным в «Медном всаднике», когда стихия чуть не погубила город Петра, дело Петра:

¹⁴ Беседа с П. А. Столыпиным 29 сентября 1906 г. // *Столыпин П. А. Избранное: Речи. Записки. Письма.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 95.

¹⁵ *Вандалковская М. Г. Историческая мысль русской эмиграции 20–30-х гг. XX в. М.: Институт русской истории РАН, 2009. С. 61.*

¹⁶ *Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 346.*

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна.

Как Фауст, Столыпин пытался обуздать стихию, отвоевывая у волн земельное пространство, на котором может свободно существовать человек. К нему вполне применимы слова, произнесенные перед смертью героем Гете:

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.

В точном переводе: «Лишь тот заслужил **свободу как жизнь**, кто должен ежедневно бороться за нее». И Столыпин боролся за свободу *лица*, жертвуя за эту свободу жизнью. Одновременно с подавлением новой пугачевщины, **он начал бороться со второй страшной болезнью России — отсутствием в национальной ментальности представления о частной собственности**. И именно она, вернее, ее отсутствие, и была причиной первой проблемы — массового разбоя. Даже дворянство чувствовало некую неуверенность в своем праве владения собственностью (землей и поместьями), поскольку было оно создано волевым актом Екатерины Великой, уравнившей поместья в правах с вотчинами и сделавшей это владение независимым от обязательной государственной службы. Собственность купцов и промышленников была целиком в руках государства. Иван Грозный обирал купцов, когда ему было угодно, не говоря уж о церковных имениях. Отношение к купеческой собственности слишком ясно из «Ревизора» Гоголя. Именно отсутствие представления о праве на собственность порождало и бунты крестьян, не веривших в правоту дворянской собственности.

Но возникла эта ситуация в результате длинной русской истории. Говоря об этом, я ставлю Столыпина не только в контекст современной ему действительности. Столыпин — фигура более крупная. Это фигура из тех, которые рождаются раз в столетие. Чтобы его понять, нужен более длительный исторический период, нужно понять большое время. Я хочу напомнить, что и аграрная реформа, ломавшая общину, передача государственных земель в Сибири в частные руки без выкупа, распростра-

нение земства на дальние губернии, реформа промышленности (вопросы о правилах найма рабочих, страховании несчастных случаев и болезней), развитие университетов (например, им основан университет в Саратове) — все это детали огромного замысла, должного ввести Россию в правовое пространство, сделать ее первой среди европейских стран. Струве писал: «Аграрная политика Столыпина кажется консервативной, но в существе своем она есть попытка перестроить Россию в самых ее глубинах»¹⁷.

Когда Струве в своей статье «Великая Россия» поддержал Столыпина, то Мережковский, бывший до Октября 1917-го яростным радикалом, хотя и христианским, не пожелал увидеть социально-культурного смысла идей Столыпина. Ему был ближе Лев Толстой, «непримиримейший враг не только русской, но всякой вообще государственности»¹⁸. Поэтому он довольно резко возразил Струве: «Отказываясь от революции снизу, он соглашается на революцию сверху. Формула “Великая Россия” принадлежит министру вн. д. Столыпину <...> Кто и что заставит сейчас русскую государственность, погрязшую в реакции, сделаться революционной? Формула “Великая Россия”, звучащая не только для Струве, но и для Столыпина как лозунг революционный <...> это невообразимо»¹⁹.

И, конечно, дело не просто в перестройке. Речь шла и в самом деле о подлинной революции. Дело было в создании новой реальности. Существенно в этом контексте заметить, что Русь до монгольского ига обладала частной собственностью на землю.

Кроме прочих проблем, характерных для любой юной культуры, Новгородско-Киевская Русь пережила татаро-

¹⁷ Струве П. Б. Что такое государственный человек? // Струве П. Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 171.

¹⁸ Мережковский Д. С. Красная шапочка // Мережковский Д. С. В тихом омуте. М.: Советский писатель, 1991. С. 62.

¹⁹ Мережковский Д. С. Еще о «Великой России» // Мережковский Д. С. Указ. изд. С. 63–64.

монгольское нашествие и несколько столетий ига. Степь отучила наших предков трудиться на себя самих, ибо в результате татаро-монгольского ига в России устанавливается так называемое «монгольское государственное право», по которому, как писал К. Неволин, «вся вообще земля, находившаяся в пределах владчества хана, была его собственностью»²⁰. Княжества не принадлежали князьям; чтобы получить право ими властвовать, они ездили за ярлыками в ханскую ставку. Земля была хана, а стало быть, в превращенном представлении крестьянина, — ничья, Божья, то есть общая. И это совпадало с тем, что у самих крестьян собственности никогда не было. Но и дружинная собственность не несла свободы даже еще до ига. Единственной реализацией свободы было так называемое право отъезда дружинника от одного князя к другому или уход крестьянина (вполне номадически) на другой участок земли. Далее, уже в Московской Руси, чтобы укрепить боярство, служилых людей, государство было вынуждено ввести крепостное право. Без земледельца земля не имела абсолютно никакой цены, а крестьянин в любой момент готов был сняться с обжитого кусочка земли, тем паче что этот кусочек земли не был юридически закреплен за ним. Отсутствие частной собственности, ее психологическое неприятие, идущее от так называемого «монгольского права на землю», стало устойчивым в национальной ментальности. Более того, в Московской Руси возникает так называемая «Внутренняя Степь» (определение С. Н. Соловьева), то есть воровские, разбойничьи шайки, терзавшие и опустошавшие страну, наподобие монголов. Столыпин хотел сделать крестьянина собственником, тем самым как бы оправдав наделение Екатериной правом на земельную собственность дворян и уравнив в чувстве собственности крестьян с дворянами.

Но был еще важный момент российской ментальности, который хотел изменить Столыпин. Если до монгольского

²⁰ *Неволин К. А. История российских гражданских законов // Неволин К. А. Полн. собр. соч. в 6 тт. Т. 4. СПб., 1858. С. 136.*

нашествия во внутренних ссорах и конфликтах, а также при общении с иноземцами, прежде всего с европейцами, с *немцами*, в случае какого-либо *разлюбья* существовали на Руси юридически зафиксированные, закреплённые в договоре, в праве, стоимости «обид», «бесчестья», «побоев» и «человеческой жизни» (пусть за убийство холопа платили меньше, чем за убийство вольного человека, но платили), то за весь период татаро-монгольского ига никто и не помышлял о «чести», поскольку сама жизнь человеческая потеряла всякую цену. Отсюда и выросло то свойство нашей народной психеи, то равнодушие к смерти, та беззаветная отвага, что, по замечанию Чаадаева, так восхищает иностранцев, но при этом делает нас безразличными к случайностям жизни, вызывает и безразличие к добру и злу, ко всякой истине. Однако, как в который раз показала история, именно на равнодушии к жизни индивидуума, на гордости этим равнодушием держится и крепнет любая деспотия.

Струве считал земельную реформу Столыпина продолжением александровских Великих реформ: «С политическим “конституционализмом” Столыпина неразрывно связана была его земельная реформа, по своей идее и по своему значению явившаяся подлинным вторым освобождением, или раскрепощением русского крестьянства»²¹. Выстрел Богрова как бы символически подтвердил эту преемственность, что заметил Розанов: «После кроваво-черного 1 марта Россия никогда еще не была так потрясена как сейчас. Обстановка убийства перед глазами Монарха, в минуту величайшего воодушевления и ликования киевлян, при открытии памятника Александру II, убийства не моментального, а с трехдневной мукой страдальца, все это заставило вздрогнуть русские сердца и занять старой болью, как после 1 марта»²².

Однако деятельность Столыпина была попыткой глубокой перестройки национальной ментальности.

²¹ *Струве П. Б.* П. А. Столыпин // *Струве П. Б.* Указ. изд. С. 188.

²² *Розанов В. В.* К кончине премьер-министра // *Розанов В. В.* Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2011. С. 222.

Он продолжил реформы, но перевел их в новый регистр, решив сделать народ воистину, а не только формально свободным. Равной этой идее в русской государственно-политической деятельности не было. Он четко показал связь стихийных бунтов и отсутствия собственности: «Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту»²³.

В той же своей знаменитой речи он произнес:

...Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (Аплодисменты справа)²⁴.

Он не хотел пугать слушателей. В западных государствах на это потребовались столетия. Интересно сопоставить высказывание его бывшего профессора Менделеева, близкого по взглядам Столыпину, с этими словами премьера:

Большинство жителей России находятся в таком же положении, в каком три или четыре столетия тому назад находи-

²³ *Столытин П. А.* Речь во II Государственной думе 10 мая 1907 г. // *Столытин П. А.* Указ. изд. С. 126.

²⁴ Там же. С. 136.

лось большинство стран Западной Европы. Это положение вызвало там свои исторические события (религиозные войны, бунты, революции, Наполеона и т. п.) и такой напор к переселению, что Америка и берега Африки стали живо наполняться европейскими выходцами. Часть совершающихся у нас ныне событий, без сомнения, должно приписать такому же положению, в которое мы поставлены в настоящее время²⁵.

Отсюда и переселенческая политика Столыпина. Но Россию он пытался провести этим путем не за столетия, а за десятилетия. Только так полагал он возможным сделать ее жизнеспособным государством.

Это было бы истинным введением России в европейское пространство и препятствием для революций. Степун писал:

Ни как колонизатор, ни как крепостной, ни как общинный крестьянин не был русский сельский работник полным хозяином своего клочка земли (Scholle). Звучащее почти сакрально в немецком языке, это слово труднопереводимо на русский. Желание привить крестьянину чувство собственности по отношению к своему клочку земли было подлинным смыслом столыпинской реформы. Столыпин предпринял это после введения Николаем II конституционной монархии с тем, чтобы сделать крестьянина европейским земельным собственником и создать тем самым оплот против революции. То, что эта задача была поставлена только в XX столетии, указывает на нерешенность этой проблемы русской историей²⁶.

Столыпин пытается перевести всю Россию в свободное состояние. Попытка невероятная. Нужно контекст этот ощутить. Замечая, что главная задача государства — укрепить низы, ибо в них вся силы страны, добавляя, что

²⁵ Менделеев Д. К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. С. 19–20.

²⁶ Степун Ф. А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Степун Ф. А. Указ. изд. С. 585–586.

их более 100 миллионов, он писал: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага личной свободы»²⁷. Интересно, что тема свободы, которая рождается в производстве, уже звучала в русской публицистике. Двигатель общественного развития — это самостоятельная личность: «Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений. Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни, — писал Чернышевский. — Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе»²⁸.

Столыпин впервые сознательно, на всем уровне — молекулярном уровне, — требует, чтобы перед нами было *лицо*. Владелец частной собственности — имеет лицо. Это не размазанная община: «Один — за всех, и все — за одного», где никто ни за что не отвечает. Мы можем говорить, что общинное сознание было явлением, много определявшим в России. Но опять же, как показали замечательные русские и историки, и философы — и Чичерин, и Кавелин, и другие, — община была фискальным институтом. И, конечно, деревня, державшаяся на временно-обязанном труде, мешала развитию страны. «Крестьяне освобождаются от крепостной зависимости: в чем же состояла крепостная зависимость? Основную и единственную законную чертою ее был обязательный труд. Итак, сохранить обязательный труд — значило бы в сущности сохранить крепостное право»²⁹. Труд, направленный на приумножение своей собственности, перестает быть обя-

²⁷ Речь П. А. Столыпина в III Государственной Думе 16 ноября 1907 г. // *Столыпин П. А.* Указ. изд. С. 150–151.

²⁸ *Чернышевский Н. Г.* Суеверие и правила логики // *Чернышевский Н. Г.* Указ. изд. Т. 5. С. 695.

²⁹ *Чернышевский Н. Г.* Устройство быта помещичьих крестьян. № XI // *Чернышевский Н. Г.* Указ. изд. Т. 5. С. 737.

зательным трудом. Много спустя после революции Маклаков полностью оценил великий смысл столыпинского преодоления общинности: «Существо Столыпинской реформы было одной из форм уравнивания крестьян с другими сословиями, распространением на них нашего общего права»³⁰. Как видим, здесь транслируется идея Чичерина о постепенном наделении правами и собственностью всех сословий.

Менделеев в книге «К познанию России» писал, что к 1930 году Россия будет на уровне передовых европейских стран, что совпадает со словами Столыпина 1909 года: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»³¹. Близость в датах поразительная.

Убийство Столыпина привело к слому разумного европейского развития страны. Оппонентов было много. Не говоря о большевиках, напуганных успехом столыпинских действий, надо назвать Льва Толстого, упрекавшего Столыпина в европеизме, в том, что он не умеет самостоятельно думать. Писатель утверждал, что цель премьера — в его законе, оправдывающем земельную собственность «и не имеющем за себя никакого разумного довода, как только то, что это самое существует в Европе (пора бы нам уж думать своим умом)».

Занятно, что граф кончает угрозой переслать свое письмо в Европу: «Письмо это пишу я только вам, и оно останется никому не известным в продолжение, скажем, хоть месяц. С первого же октября, если в вашей деятельности не будет никакого изменения, письмо это будет напечатано за границей»³². Толстовское двоемыслие, вооб-

³⁰ Маклаков В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М.: Московская школа политических исследований, 2011. С. 360.

³¹ Беседа с председателем Совета министров П. А. Столыпиным 1 октября 1909 г. // *Столыпин П. А.* Указ. изд. С. 209.

³² *Толстой Л. Н.* П. А. Столыпину. 1909 г. Августа 30. Ясная Поляна // *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 тт. Т. XIX—XX. Письма. 1882—1910. М.: Художественная литература, 1984. С. 675.

ще-то проявлявшееся везде (скажем, выступая против книгопечатания, он издавал бесконечно свои книги), здесь как-то особенно жалко и неприлично. Упрекая Столыпина, что он подражает в своей реформе Европе, что «пора бы уже думать собственным умом», он тут же угрожает премьеру: если тот не откажется от самого себя, то его письмо-инвектива «будет напечатана за границей». Иными словами, в той же Европе, которая вовсе не хотела, чтобы Россия развернулась как мощная европейская держава.

Самым резким ударом по Столыпину и его реформе была статья Толстого «Не могу молчать» (1908), где всю деятельность премьера он объяснял его жалким тщеславием. Но уже «в эмигрантской публицистике, — как пишет современный исследователь, — были преданы гласности сведения о том, что когда волна погромов докатилась до усадьбы писателя, он также не смог молчать: проявил осмотрительность и вызвал полицию для охраны»³³. А граф писал: «Не может существовать права одного, какого бы ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею, как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею»³⁴. Но такое уже было в доисторический период, когда по земле бродили стада диких людей, а потом нечто подобное в монгольский период, когда земля лишь казалась ничьей.

Вот это монгольское право на землю перехватили большевики. Они вернулись к монгольскому периоду правления. Земля стала государственная, то есть ничья. Столыпинская реформа, естественно, была уничтожена на корню. Когда земля ничья, когда она государственная, можно сделать с крестьянами все, что угодно. Можно провести коллективизацию, индустриализацию, не обращая внимания ни на что, ни на кого. Попытка Столыпина была — после реформ Александра II, может быть, поло-

³³ Сидорович Г. П. Указ. соч. С. 286.

³⁴ Толстой Л. Н. Указ. изд. С. 285.

винчатых, но, тем не менее, они были — на мой взгляд, абсолютно уникальной в истории России попыткой человека, понимавшего, что он делает. В отличие от Льва Николаевича Толстого, который, становясь в позу яснополянского мудреца, языческого бога, как описал его Горький, восхищавшего этим простодушных рационалистов-европейцев, говорил: «А вот давайте, как просят мужики, земля будет ничьей!», Столыпин утверждал необходимость собственности на землю. Иначе катастрофа станет перманентным состоянием России.

Характерно, что после взрыва народной стихии 1905 года Блок обращается к теме монгольского завоевания Руси. Я имею в виду его цикл 1908 года «На поле Куликовом». Цикл этот уже двусмыслен, как и поэма «Двенадцать». В первой части лирический герой приветствует татарское нашествие:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
 Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
 Пронзил нам грудь.

Во второй — горечь поражения христианских воинов:

На пути — горячий белый камень.
 За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
 Не взывает больше никогда.

Потом, правда, когда столыпинские реформы начали действовать (до кошмара Первой мировой войны!), был период упоения европеизацией и американизацией России: Блок в 1913 году опубликовал в журнале «Русское Слово» стихотворение под названием «Новая Америка».

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Когда пришли большевики и Ленин восстановил «монгольское право» на землю и монгольские принципы управления, Зинаида Гиппиус в «Черной книжке» запи-

сала о большевистской власти: «Что происходит с Россией. А происходит, приблизительно, то, что было после битвы при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски — и пируют»³⁵. К этому стоит добавить иронические слова Бунина по поводу решения западной Европы о невмешательстве «во внутренние русские дела»: «Да, да, это называется “внутренними делами”, когда в соседнем доме, среди бела дня, грабят и режут разбойники»³⁶.

Это ощущение на новом историческом витке прихода таких же завоевателей, чужих — не по крови, а по некой ментальности — было очень сильно. После революции стало особенно заметно, что Россия вернулась в допетровскую Русь. Вот Бунин: «Весь огромный город не живет. Сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя завоеванным, и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги»³⁷.

Русские оказались вдруг в абсолютной тьме Московской и даже домосковской Руси. Петербургская Россия вся была выкинута за пределы России. В 1918 году Мандельштам написал страшные строчки:

Все чуждо нам в столице непотребной:
Ее сухая черствая земля,
И буйный торг на Сухаревке хлебной,
И страшный вид разбойного Кремля.

Русские писатели вполне внятно отреагировали на произошедшую со страной катастрофу. Независимо от политических пристрастий они определяли свою эпоху как время апокалиптически разбушевавшейся стихии, находя аналогии к происходящему в бунтах Степана Разина и Емельяна Пугачева (поэмы С. Есенина, В. Хлебни-

³⁵ Гиттиус Зинаида. Черная книжка // Гиттиус Зинаида. Дневники. Минск: Харвест, 2004. С. 259.

³⁶ Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990. С. 93.

³⁷ Там же. С. 107.

кова, В. Каменского и др.). Прислушаемся к названиям произведений и «красных», и «белых»: «Взвихренная Русь» А. Ремизова, «Россия, кровью умытая» А. Веселого, «Голый год» Б. Пильняка, «Рожденные бурей» Н. Островского, «Двенадцать» А. Блока, «Окаянные дни» И. Бунина, «Царство Антихриста» Д. Мережковского, «Черная книжка» З. Гиппиус, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Бич Божий» Е. Замятина, «Русская бездна» М. Волошина...

Во всех этих названиях — ощущение смуты, охватившей страну, неуправляемых стихий, губительных для человека, рождение нового и гибель старого мира, движение масс, новые двенадцать *разбойных* апостолов, за стихийной жестокостью которых Блок провидит Христа (или антихриста?)³⁸, — короче, во всех этих произведениях чувствуется накал почти космической катастрофы. Даже тема Аттилы у Замятина характерна в этом контексте. И даже в таком внешне нейтральном заглавии, как «Конармия» И. Бабеля, если вдуматься, скрыт тот же смысл — пробудившейся стихии: «конармия» есть сокращение от «конной армии», то есть ударной силы Степи, кочевников, варваров, вновь обрушившихся на цивилизацию городов. Сам Бабель, думается, именно так и понимал название своей книги. В его дневниковых записях периода, когда он был участником похода буденовской конницы, эта мысль и впрямую выговорена: «Это не марксистская революция, это казацкий бунт, который хочет все выиграть и ничего не потерять. Ненависть <...> к богатым, к интеллигенции, неугасимая ненависть»³⁹. Впрочем, все это можно было предвидеть, опираясь на опыт русской истории и культуры.

³⁸ См. об этом мою статью: «Антихрист» Владимира Соловьева и «Христос» Александра Блока // Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В. С. Соловьев и его философское наследие». 28–30 августа 2000 года. М.: Феноменология-Герменевтика, 2001. С. 145 и след.

³⁹ *Бабель И.* Конармия. М.: Правда, 1990. С. 178–179.

И Столыпин это угадывал, и готов был свою жизнь поставить преградой надвигающемуся бунту.

Ответ Столыпина Толстому заслуживает подробного цитирования:

...Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» у крестьян создает все наше неустройство <...> Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности <...> А бедность, по мне, худшее из рабств <...> Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным⁴⁰.

Здесь четко выраженное кредо, ясно и спокойно высказанное, совпадающее с мыслью всех мало-мальски беспокоившихся о мужике честных русских людей. А далее, без малейшего самоуничижения, слова человека, ежеминутно рискующего своей жизнью в отстаивании своих идей:

...Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину. Как же я буду делать не то, что я думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. *Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем* (курсив мой. — В. К.)⁴¹.

⁴⁰ Столыпин П. А. Письмо Л. Н. Толстому. 23 октября 1907 г. // Столыпин П. А. Указ. изд. С. 144.

⁴¹ Там же. С. 142—143.

Столыпин писал стоически-мужественно о том, что уже произошло, уже был взрыв в его доме на Аптекарском острове, когда террористы погубили тридцать ни в чем не повинных людей, ранили сто, среди них тяжело ранены дочь и сын премьера. И вот этому герою Толстой пишет: «Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России. Человека этого вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его, как того заслуживает его положение. Человек этот — вы сами»⁴².

Столыпин был убит, победила толстовская уравниловка. Ленин ликовал, Толстой, по сути, был его союзник, ибо так же ненавидел и Церковь, и государство, и Столыпина: «Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции»⁴³. Удовольствие так и сквозит в словах человека, через семь лет залившего кровью всю Россию. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна «великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же, надо лишить толпу “опиума религии”, дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот “планетарный” скот — другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди дня спорят, благодетель он человечества или нет?»⁴⁴ Как он и

⁴² Толстой Л. Н. П. А. Столыпину. 1909 г. Августа 30. Ясная Поляна // Толстой Л. Н. Указ. изд. Т. XIX—XX. С. 673.

⁴³ Ленин В. И. Столыпин и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. в 55 тт. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 324.

⁴⁴ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // Бунин Ив. Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 132.

обещал, Ленин использовал отлучение Толстого для расправы над русской Церковью и священниками⁴⁵.

Бердяев, напротив, очень жестко написал о Толстом как идеологе нигилизма и провокаторе революционаризма:

Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть изобличен. Толстой мешал народному и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств, и потому он был злым гением России, соблазнителем ее. В нем совершилась роковая встреча русского морализма с русским нигилизмом, и дано было религиозно-нравственное оправдание русского нигилизма, которое соблазнило многих. В нем русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание⁴⁶.

Самые крупные противники Столыпина — Ленин + бесы-радикалы, царь, Лев Толстой, да еще хлыст Распутин. Хлыстовство победило рацию гениального премьера.

Но остановимся на фигуре монарха, поддержавшего, в конечном счете, Распутина в противовес Столыпину. Струве писал:

Рок и трагедия его состояли в том, что, отстаивая и укрепляя реформами монархию, Столыпин как борец и реформатор не имел в монархе той поддержки, в которой он нуждался. Сейчас об этом можно просто и прямо говорить как об историческом факте. В отличие от Вильгельма I, который с некоторым внутренним сопротивлением, но всецело отдался могучей воле Бисмарка, Николай II не сделал этого по отно-

⁴⁵ Ленин писал: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах» (*Ленин В. И. Л. Н. Толстой // В. И. Ленин о литературе и искусстве. М.: Художественная литература, 1969. С. 221*).

⁴⁶ *Бердяев Н. А. Духи русской революции // Бердяев Н. А. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993. С. 99.*

шению к Столыпину <...> Во всяком случае, Столыпин, прежде чем погибнуть от пули революционера-охранника, едва ли [не] изнемог в борьбе с монархом, тем более трудной и тяжелой для министра, что в его лице она выпала на долю не только убежденного, но и страстного монархиста⁴⁷.

Столыпин изгнал Распутина из Петербурга, император сожалел об этом, говоря, что его волнуют «слезы императрицы». Так мог говорить семьянин, но не император.

У Столыпина были две основные линии в его деятельности: это борьба с «бесами», очень жесткая, очень четкая, и борьба за свободного русского человека. Мы часто говорим, что интеллигент не идет во власть, интеллигент боится власти. Столыпин был настоящий русский интеллигент, который пошел во власть. Надо сказать, что из кадетов, которые действительно его практически не принимали, его больше всех понял, наверное, Струве. Струве был сыном пермского губернатора. Он понимал, что такое власть. Он единственный из кадетов понимал, что деятельность Столыпина — это то, что спасает Россию. Другие кадеты были постоянными оппонентами деятельности премьера.

С. Булгаков говорил, что все царствование Николая — это гибель империи, он губил империю на корню:

Агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия <...> К несчастью, революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия, влекся чрез Ялу, Порт-Артур и Цусиму, чрез все бесчисленные зигзаги своей политики <...> Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие <...> И, однако, неудача самодержавия в лице

⁴⁷ Струве П. Б. П. А. Столыпин // Струве П. Б. Указ. изд. С. 188—189.

Николая II была настолько велика, непоправима, что она обрекала того, кто мог и хотел любить только самодержавие, понятое как государственная вселенская идея, на ежечасное умирание...⁴⁸

«Зигзаг Столыпина» — это как раз продуктивный зигзаг, единственный продуктивный зигзаг за все царствование Николая. Интересно, что тот же Богров, хотя рядом сидели Столыпин и император, стрелял все же в Столыпина, ибо Столыпин был главным противником русского бесовства.

И еще одно соображение. Есть какие-то ключевые имена в русской истории, и одно из них — имя Петр. После Петра Великого можно назвать Петра Чаадаева, «Философическое письмо» которого, в сущности, было вызовом, пробудившим к сознательной жизни русскую мысль, как о том писали многие. А далее идет Петр Столыпин, как неосуществленное завершение дела Петра... Он был действительно великий Петр Столыпин, у которого не было легитимации, не было власти. Если бы он был императором, то, в отличие от Николая, он бы действительно привел Россию к благоустроенному цивилизованному государству. Но бесконечная возня в придворном болоте, бесконечные страхи и откаты самодержца от принятых премьером решений тормозили развитие России. И если бы не мать, которая без конца уговаривала Николая, чтобы он послушал, что говорит Столыпин, — ибо Столыпин — разумный человек, царь много бы раз отказался от столыпинской реформы. Перед смертью сам Столыпин уже явно чувствовал, что царь отвернулся от него.

Как вспоминал следовавший за Столыпиным премьер-министр Владимир Николаевич Коковцев о последних днях Столыпина перед его убийством: «Из частных, хотя и отрывочных, бесед за четыре роковых дня пребывания в Киеве мне стало известно, что его почти

⁴⁸ *Булгаков С. Н.* Пять лет (1917–1922) // *Булгаков С. Н.* Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 332.

игнорировали при дворе, ему не нашлось даже места на царском пароходе в намеченной поездке в Чернигов, для него не было приготовлено и экипажа от двора»⁴⁹. Царь готов был в любой момент *сдать его*, завидуя славе и популярности Столыпина, его силе. Максимилиан Волошин написал о Николае II:

Санкт-Петербург был скроен исполином.
Размах столицы стал не по плечу
Тому, что стер блистательное имя⁵⁰.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить, —
И пляшет стол, и щелкает стена —
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя.

(«Россия», 1924)

Столыпин хотел сохранить Российскую империю. **Понимал**, как это сделать. Пишут: «Он был хороший оратор». Что значит хороший оратор? Это не человек с хорошо подвешенным языком. В отличие от тех, кто против него выступал, он ясно видел цель, он опирался на свое понимание русской культуры, он понимал, что говорит. Достаточно почитать его речи и речи его оппонентов. У оппонентов злое, раздраженное, почти слепое нападение на действия премьера — и жесткие, четкие, спокойные аргументы Столыпина. Заметим, что возразить ему никто не мог в публичной полемике. Он переигрывал, или переговаривал всех. Не криком и не властной угрозой. Переговаривал интеллектуально. Это был — действительно, пожалуй, единственный раз в России — большой интеллект у власти, который позволил себе стать деятелем. Столыпин — это было явление, равного которому, я думаю, в России не являлось, если не считать его тезки и предшественника — Петра Великого.

⁴⁹ *Коковцев В. Н.* Из моего прошлого (1903–1919). Минск: Харвест, 2004. С. 415.

⁵⁰ Речь идет о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград.

Но в истории происходит одна странная вещь — столкновение «рацио» и иррационального начала. С одной стороны, был Распутин — человек абсолютно бесовской, демонической какой-то энергии и силы, были бесы и бесенята революции. С другой стороны, был все понимавший, умный, жесткий, строгий Столыпин. Кто победил? Победил Распутин. После убийства Столыпина он тут же вернулся во власть. И «распутинская» стихия хлынула на Россию. Стихия враждебна построению цивилизации, которая, как писал Ортега-и-Гассет, явление хрупкое и требует постоянного сознательного усилия. Стихия — это проявление природных сил, цивилизация — сил человеческих. Хотелось бы привести слова М. Мамардашвили:

Значимая оппозиция <...> — соотношение культуры, истории или ума <...> со стихией, или соотношение неорганического, неприродного и органического. История, культура, мысль — неприродные образования, поскольку они основаны на одном неприродном, или «искусственном» в кавычках, явлении, которое называется свободой. Природные явления не знают свободы, и в этом смысле свобода — неприродное, неестественное явление. В том числе отсюда следует, что не может быть естественных механизмов свободы. Если есть механизмы, нет свободы, а если есть свобода, то это некий неприродный элемент⁵¹.

Деятельность Столыпина была шансом, который судьба дала русской монархии, точнее, российской империи для построения цивилизованного пространства в России. Но последний император был из тех, кто, по выражению Г. Федотова, рубил под корень Российскую империю. Не то чтобы он отдал бесам Столыпина, но сам от него отдалился, слишком влиятелен стал премьер. Как пишет современный выдающийся отечественный историк, «нарушение <....> принципа замыкания всех нитей

⁵¹ *Мамардашвили Мераб*. Вена на заре XX века // *Мамардашвили Мераб*. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 373–374.

управления на самодержце смертельно напугало царя»⁵². Об этом писал даже лидер кадетов, бывший противник:

Роспуск Думы поставил Столыпина на первое место; он занимал его почти до самой смерти своей. Говорю «почти», так как исключительное положение свое он потерял уже раньше. Без пули Багрова⁵³ он, вероятно, стал бы новым примером людской неблагодарности. Только смерть возвела его на тот пьедестал, который опрокинула лишь Революция <...> При его жизни я не раз и резко против него выступал. Но уже во время Великой Войны с трибуны высказал сожаление, что в нужное время его с нами нет. В 1929 г. в эмиграции, вспоминая про Витте, я написал, что [если] Витте мог спасти Самодержавие, то Столыпин мог спасти конституционную монархию. Я и теперь думаю это; им обоим мешали те, кого они и могли, и хотели спасти⁵⁴.

Император, отдаляясь от Столыпина, твердил, что Столыпин заслонял его собой, отбирая себе значение устроителя России, о чем-де твердят все газеты. На это, вроде бы, новый премьер-министр В. Коковцев ответил, что Столыпин не заслонял императора, а умер за него⁵⁵. Но Николай оттолкнул того, кто спасал имперскую Россию. О том, что Столыпин пожертвовал своей жизнью за империю и императора, было сказано сразу после смерти премьера: «У изголовья сидела вдова покойного, Ольга Борисовна Столыпина, в белом больничном халате. Когда государь вошел в комнату, она поднялась и громким голосом, отчеканивая каждое слова, произнесла ставшую известной фразу: “Ваше Величество, Сусанины не перевелись еще на Руси”»⁵⁶. Иными словами, жизнь и смерть Столыпина была сразу поставлена в ряд исторических

⁵² *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 98.

⁵³ Речь об убийце Столыпина Дмитрие Богрове.

⁵⁴ *Маклаков В. А.* Указ. соч. С. 11.

⁵⁵ *См. Сидоровичи Г. П.* Указ. соч. С. 625.

⁵⁶ *Коковцев В. Н.* Указ. соч. С. 427.

мифологических событий — в данном случае человека из народа, заведшего воров, пытавшихся убить царя, в болото и пожертвовавшего жизнью для спасения первого Романова.

Лермонтов пророчествовал о грядущей катастрофе Российской империи. Один из его родственников, премьер Столыпин, словно пытался преодолеть пророчество поэта. Стихотворение называлось «Предсказание»:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать.

А последний Романов, словно нарочно, пытался сделать все, чтобы пророчество Лермонтова исполнилось. Николай I по поводу смерти Лермонтова, весьма храбро воевавшего, по некоторым версиям даже награжденного за храбрость золотым оружием (написавшего в стихотворении «Завещание» о себе: «Что умер честно за царя, / Что плохи наши лекаря»), произнес роковые слова: «Собаке собачья смерть». История такого не прощает. Николай II столь же равнодушно отнесся к смерти последнего защитника империи. И предсказание поэта стало фактом российской жизни.

Такие люди, как Столыпин, в мировой истории единичны. Жизнь их особая. Хочу закончить свой текст словами Василия Розанова:

«Политика» — это не мудрость. Политика — это ярость <...> Кто это может понять? Никто! <...> Екатерина понимала. Понимал Шешковский. Понимал вот Столыпин. Понимал Цезарь. Понимают люди каких-то совсем не наших «измерений» — не тех добрых и милых «измерений», в которых люди пьют чай с сахаром, ходят в гости друг к другу, пишут статьи

в газетах и журналах. Ум их, душа их, сердце — из какой-то темной бронзы, как и их памятники⁵⁷.

Добавлю только, что это ярость творцов, которые, как Моисей (из исторических деятелей им больше прочих восхищался Чаадаев⁵⁸), пытались создать из «подлого сброда» (выражение Т. Манна) народ, умеющий жить по правовым установлениям, как это изображено в Библии и гениально выявлено Томасом Манном (новелла «Закон»). Только Моисею нечто удалось, Столыпин же проиграл.

⁵⁷ Розанов В. В. Перед гробом Столыпина // Розанов В. В. Указ. изд. С. 268.

⁵⁸ «Влияние этого великого человека на род человеческий далеко не понято и не оценено, как бы следовало <...> Раздумывая об этом необыкновенном существе и о произведенном им на людей действии, я не знаю, чему тут более удивляться, тому ли историческому явлению, которое он вызвал, или тому нравственному явлению, которое я наблюдаю в его лице» (Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 120).